

УДК 811.512.32+811.512.31
ББК 81

СОСТАВ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ДАГУРСКОГО И БУРЯТСКОГО ЯЗЫКОВ

Ж. Б. Бадагаров

Падежные формы в монгольских языках выработались в процессе исторической эволюции как следствие диалектического взаимодействия тенденций, с одной стороны, к усложнению языка в результате размытия физических оболочек служебных слов в ходе грамматикализации и, с другой стороны, к упрощению в ходе интуитивного парадигматического выравнивания отдельных уровней и подуровней языка. В этом процессе тесно взаимодействуют все ярусы естественного языка, поэтому полноценный многофакторный анализ его представляется достаточно сложной, но перспективной задачей. Сравнение пар языков одной группы, в данном случае дагурского и бурятского, дает ценный материал, на основе которого можно делать определенные частные выводы и обобщения, а также сформулировать вопросы для дальнейшего углубления в проблематику. Проблематика дагурско-бурятских языковых связей и ее проявление в именных категориях рассматриваемых языков была затронута в [Бадагаров 2000, 2002]. На более широком материале категория склонения в монгольских языках была подробно рассмотрена в монографии С. М. Трофимовой [2009: 97-198]. Перспективным также представляется анализ отдельных явлений дагурского и бурятского языков в контексте тюрко-монгольских языковых контактов [Рассадин, 2006].

Материалом для исследования послужили работы советских [Поппе 1930; Тодаева 1986], китайских [Zhong Suchun 1965; Namcarai, Qaserdeni 1983; Engkebatu 1983, 1984, 1985] и западных [Kara 1996] ученых. Для удобства дагурский материал передается кириллицей без диакритических знаков. Латиница использовалась только в тех случаях, когда требовалось передать особенности действующей орфографии, основанной на китайской латинице *пиньинь*. Бурятский язык передается средствами действующей кириллической орфографии. Примеры из диалектов Внутренней Монголии также даны на кириллице без диакритических знаков.

В дагурском языке большинство исследователей выделяет от восьми до четырнадцати падежей. Н. Н. Поппе определил в дагурском языке следующие падежи: 1) неопределенный, 2) родительный, 3) винительный, 4) дательно-местный, 5) исходно-отложительный, 6) соединительно-совместный, 7) орудный, 8) продольный (пролатив) [Поппе 1930: 151–154]. Десять падежей в дагурском языке находит Чжун Сучунь: 1) именительный, 2) родительный, 3) дательно-местный, 4) винительный, 5) орудный, 6) совместный, 7) меры, 8) цели (*целевой аккумулятив*. — Ж. Б.), 9) направительный и 10) места исхода (*неопределенно-исходный*. — Ж. Б.) [Zhong 1965]. В более поздней работе Чжун Сучунь объединил родительный и винительный падежи в один родительно-винительный, а также дополнил список исходным (в первой публикации Чжун Сучунь не выделяет исходный падеж, считая, что он совпадает с орудным). Таким образом, общее количество падежей осталось прежним [Zhong 1982: 34–39].

Намцарай и Хас-Эрдэни выделяют восемь падежных форм: 1) именительный, 2) родительный, 3) дательно-местный, 4) винительный, 5) исходный, 6) совместный, 7) орудный, 8) предельный [Namcarai, Qaserdeni 1983: 110]. Эти же восемь падежей выделяет Б. Х. Тодаева [Тодаева 1986: 39–46].

Так как долгое время дагурский язык был недоступен для ученых из других стран, а его изучение осуществлялось силами ученых КНР, то до недавних пор полемика ученых КНР относительно падежей дагурского языка была неизвестна. Обзор всех существовавших на тот момент взглядов приведен в работе Энхэбату, который предлагает свою наиболее полную систему падежных форм дагурского языка, состоящую из семи основных и семи неосновных¹ падежей [Engkebatu 1985: 504]. К основным он относит именительный, родительный,

¹ В терминологии Энхэбату: *ündüsün* 'основные' и *ündüsün busu* 'неосновные'.

дательно-местный, винительный, исходный, орудный, совместный падежи, а к неосновным — падеж меры, определенного места, неопределенного места, места исхода (*неопределенно-исходный*. — Ж. Б.), падеж направления, направительный падеж, определительный падеж.

В бурятском языке обычно выделяется семь падежей: 1) именительный, 2) родительный, 3) дательно-местный, 4) винительный, 5) орудный, 6) совместный, 7) исходный [Грамматика бурятского языка 1962: 75]. У некоторых авторов упоминается падеж меры и степени, который имеет ограниченное употребление. На наш взгляд, можно также говорить о наличии сложившейся формы экватива в бурятском языке.

Именительный падеж. В дагурском языке именная основа в именительном падеже не имеет конечного *-н*. По данному признаку его можно объединить с собственно монгольскими диалектами (халха-монгольским и внутреннемонгольскими). В бурятском языке именная основа в именительном падеже, в отличие от дагурского, не теряет конечный *-н*. Данный признак можно считать классификационным [Binnick 1987: 186]: конечный *-н* наличествует в бурятском, ойратском, хамниганском, некоторых диалектах и говорах Внутренней Монголии. Некоторые дагурские слова имеют конечный *-н*. Это такие слова, как *хэйн* ‘ветер’, *эулэн* ‘облако, облака’, *адоочин* ‘табунщик, пастух’, *алардаан* ‘тушканчик’, *амитан* ‘животное’, *арджаан* ‘хорошая молочная водка’ (ср. монг. *арза*), *аркан* ‘спина’, *арслан* ‘лев’, *айаан* ‘место слияния двух рек’, *барчин* ‘место напротив; противник’, *баркан* ‘бог’, *барезчин* ‘костоправ’, *дэлкин* ‘селезенка’ и т. п.

Слово *хэйн* соответствует бур. *хиш* ‘воздух; ветер’, х.-монг. *хий*, калм. *ки*, письм.-монг. *кей* ‘id.’ Среднемонгольские данные также показывают отсутствие конечного *-н* в данном слове: *TUig кей* ‘id.’ [Tumurtogoo, Csecegdari 2006: 440], *TPhag кей* ‘id.’ [Tumurtogoo, Csecegdari 2010: 156], *MA кей* ‘id.’ [Поппе 1938: 213]. Это слово также, без конечного *-н*, встречается в говорах эвенкийского языка [Чимитдоржиева 2012: 104, 124, 129]. Таким образом, форма с конечным *-н* присуща только дагурскому языку. Это, по-видимому, единственный случай, когда конечный *-н* наличествует только в дагурском слове, тогда как в остальных монгольских языках это же слово зафиксировано без конечного *-н*.

Есть также ряд слов, в которых дагурский также имеет конечный *-н* в тех словах, в которых его нет в халха-монгольском, однако оно имеется в бурятском и калмыцком. Это такие слова, как даг. *дэлкин* ‘селезенка’ < **delikin* < **delikün* > **deligün* > х.-монг. *дэлуу* ‘селезенка’, наряду с даг. *дэлуу* ‘id.’, ср. бур. *дэлюун*, калм. *дэлүн* ‘id.’; *эулэн* ‘облако’ < **egülen* > бур. *үүлэн*, х.-монг. *үүл*, ср. бур. *үүлэн*, калм. *үүлн* ‘id.’ и т. п. Первое из приведенных слов представляет большой интерес с точки зрения исторической фонетики, так как оно, на наш взгляд, является отражением одного из древнемонгольских диалектов, о котором до сих пор мало что известно. Это один из тех древнемонгольских диалектов, который не отражен в языке монгольской письменности. Это же слово есть в тунгусо-маньчжурских языках [Цинциус 1975: 233] в виде *дэлкин* ‘селезенка, диафрагма’. В солонском, с которым дагурский язык находится в тесном контакте на протяжении нескольких столетий, данное слово имеет форму *дэлкин* ‘селезенка’.

Родительный падеж. В дагурском языке, согласно официально принятой орфографии² на основе пиньинь (китайской латиницы), наличествуют следующие аффиксы родительного падежа: 1) *-ei*, который присоединяется к основам, оканчивающимся на согласный (кроме *j, q, x*). Например: *biteg + ei — bitegei* ‘книги’, *heleg + ei — helegei* ‘печени’, *adus + ei — adusei* ‘скота’, *aol + ei — aolei* ‘горы’; 2) *-ii*, присоединяется к основам, оканчивающимся на *j, q, x*: *kaiq + ii — kaiqii* ‘ножниц’, *orj + ii — orjii* ‘сóски’, *tulx + ii — tulxii* ‘дров, хвороста’; 3) *-i*, который присоединяется к основам, оканчивающимся на краткую гласную: *mori + i — morii* ‘коня’, *nowu + i — nowui* ‘собаки’, *danga + i — dangai* ‘табака’; 4) *-yi*, к основам, оканчивающимся на долгую гласную и дифтонг. Например: *akaa + yi — akaayi* ‘брата’, *kasoo + yi — kasooyi* ‘железа’, *dao + yi — daoyi* ‘песни’. Фонетически четыре орфографических варианта реализуются в виде двух: после согласных и редуцированных гласных — «*-i*»; после долгих гласных и дифтонгов — «*-ji*». При присоединении к основам с кратким гласным краткая гласная редуцируется, но не дает гласной «*-i*» аффикса смягчить предшествующий согласный. В кириллических книгах 1950-х гг., изданных Д. Карой [Kara 1995], «*-i*» в таких случаях передается буквой *ы*.

² Данная орфография была кодифицирована в Кратком дагурско-китайском словаре [Engkebatu 1983].

В литературном бурятском языке наблюдается такое же несовпадение орфографии и живой речи. Орфографически в бурятском языке имеется пять разновидностей аффиксов: 1) после основ на гласную, кроме *и*, — *-ын*; 2) после основ на гласную *и* — *-иин*; 3) после долгих гласных, кроме *ы*, и согласной *-н* со скрытой *-г*, т.е. *-н(г)* — *-гай³*; 4) после дифтонгов и гласных *-ии* и *-ы* — *-н*; 5) после основ на согласную, кроме *-н(г)*, — *-ай³*; хотя фактически фонетических вариантов три: «*-i:n*», «*-æ:*» и «*-η*». Согласный *-г* в третьем аффиксе представляет собой соединительный согласный. Как показал Н. Н. Поппе, все эти три аффикса могут быть возведены к праформе **n* (с протетической гласной после согласных) [Ропре 1987: 187–189].

Бурятские диалекты знают другие формы генитива. Первый тип генитива в целом совпадает с ойратским и дагурским, хотя есть небольшие отличия от последнего: 1) *-и* после согласных при атрибутивном употреблении, *-аэ*, *-оэ*, *-эи* — при предикативном употреблении слова в родительном падеже³; 2) *-ги* или *-йи* — после долгих гласных; 3) *-н* — после дифтонгов и долгого *-ии*. Второй тип генитива — подобный тому, что мы имеем в литературном бурятском языке и, следовательно, в хоринских говорах.

Развитие генитива в монгольских языках представляет собой диахроническую лабораторию, которая сохранила следы различных фонетических процессов, действовавших в монгольских диалектах прошлого. Как известно, многочисленные письменные памятники разных эпох, а также живые монгольские языки, их диалекты и говоры дают довольно пеструю картину показателей родительного падежа. Несомненно то, что в большинстве своем памятники отражали живое произношение определенного периода.

Генетив, подобный бурятскому (в виде дифтонга), имеется в говорах Внутренней Монголии. Например: хорч. *однээ* ‘звезды’, *шувуунээ* ‘птицы’ [Тодаева 1985: 27]; чах. *модной* ‘деревя’, *адуунай* ‘табуна’ [Тодаева 1985: 96]; шилин. *готной* ‘города’, *амьтнай* ‘народа’ [Тодаева 1985: 110]. Думаем, что развитие данной формы связано с конечными протетическим гласными, подобными тем, какие мы наблюдаем в даг. *гэри* ‘дом’ и

калм. *gere* ‘id.’, ср. бур. *гэр* ‘id.’, х.-монг. *гэр* ‘id.’, письм.-монг. *ger* ‘id.’. Дагурский представляет собой тот тип языка, в котором конечный протетический гласный появляется во всех словах, которые оканчиваются на согласный. Именно в языке такого типа и развился, на наш взгляд, формант генетива в виде дифтонга. Это процесс вполне мог выглядеть следующим образом: **gere + (i⁴) n > gerein > gereiŋ > gerei̯ > gerei*. Прадагурский имел чередование **e ~ *i*, в том числе в непервых слогах, что объясняет развитие слова *гэри* ‘дом’. В халха-монгольском и ойратском в мягкорядных словах общее палатальное произнесение слова нейтрализует палатализацию от **i*. Например: х.-монг. *эрхэм* ‘лучший’ < **erkim, erkin* ‘id.’ > калм. *эркн* [эркен] ‘id.’. Поэтому калм. *гер* может восходить как к **geri*, так и к **gere*.

Примеры: даг. *ного* ‘собака’ — *ног^о-и*, *чонко* ‘окно’ — *чонк^о-и*, *далеэ* ‘океан’ — *далеэ-и*, бур. *нохой* ‘собака’ — *нохойн*, *сонхо* ‘окно’ — *сонхын*, *хари* ‘чужой’ — *хариин*, *далай* ‘океан’ — *далайн*, *гүбээ* ‘холм’ — *гүбээн* (иногда встречается вместо *гүбээгэй*).

Дательно-местный падеж. В дагурском в качестве показателя дательно-местного падежа используется аффикс *-d*, который присоединяется непосредственно к основе слова, если основа оканчивается на согласные *d, t, k, s, j, q, x*, тогда перед *-d* ставят соответствующую гласную: *xiree + d* — *xireed* ‘столу’, *horwu + d* — *horwud* ‘червя’, *tos + d* — *tosod* ‘маслу’.

В бурятском языке, как и в монгольском и ойратском, имеется два типа аффиксов дательно-местного падежа: *-да* и *-та* (после основ на *б, г, р, с, д*). Например: бур. *бэиэг* ‘письмо’ — *бэиэгтэ*, *түб* ‘центр’ — *түбтэ*, *гар* ‘рука’ — *гартэ*, *эсэс* ‘конец’ — *эсэстэ*, *арад* ‘народ’ — *арадта*, *хото* ‘город’ — *хотодо*, *бүбөөлжэн* ‘удод’ — *бүбөөлжэндэ*, *заршам* ‘принцип’ — *заршамда*, *шэхэн* ‘уши’ — *шэхэндэ* и т. д. Ср. монг.⁵: *гэр* ‘юрта, дом’ — *гэрт*, *төлөв*

⁴ Здесь *i < *i*, который имел протетический характер.

⁵ В современном монгольском языке односложные основы на *в* (< **b*) и *с* принимают аффикс дательно-местного падежа на *-д*. Этот же аффикс принимают основы на *д* и *с*. Таким образом, в современном монгольском языке морфофонологические правила для дательно-местного падежа отличаются от бурятского и ойратского языков. После согласных *д* и *с* между основой и аффиксом вставляется протетическая гласная

³ Такую же картину можно наблюдать в ойратских говорах и калмыцком литературном языке. См., например: [Грамматика калмыцкого языка 1983: 104–105, 145].

‘вид, форма, тип’ — *төлөвт, цаг* ‘время’ — *цагт, орос* ‘русский’ — *орост* (в разговорном языке *орсод* по аналогии с *улсад*, так как между сонантом и шумным согласным гласная является “лишней”, полногласие поддерживается орфографически для имен собственных: *Баатарын* ‘Батора’, *баатрын* ‘богатыря’), *чих* ‘уши’ — *чихэнд, ном* ‘книга’ — *номонд* и т. п.; калм. *һар* ‘руки’ — *һарт, күүкс* ‘девушки’ — *күүкст, керэд* ‘Кереды’ — *керэдт, һосн* ‘обувь’ — *һоснд, хараңһу* ‘темнота’ — *хараңһуд* и т. п.

Памятники среднемонгольского периода показывают наличие двух видов аффиксов *-da* и *-du/-tu ~ -dur/-tur*, которые, по всей видимости, впоследствии под действием конвергентных процессов превратились в один формальный показатель дательного-местного падежа. Действительно, интересен тот факт, что в памятниках монгольской письменности часто встречаются случаи так называемого «ошибочного» написания аффикса дательного-местного падежа, когда вместо ожидаемого *-dur*, написано *-tur*. На данном этапе развития монгольского языкознания возможность ошибочного написания нельзя исключать. На наш взгляд, данная проблема требует анализа с привлечением статистических методов, что позволит с достаточной степенью убедительности поставить точку в этом вопросе. Пока же можно рассматривать это как одну из гипотез и попытаться найти возможные причины для объяснения таких «ошибок». И. Грунтов в своей работе констатировал, что аффиксы типа *-dur ~ -tur* являются характерной чертой восточно-среднемонгольских диалектов, на базе которых возник письменно-монгольский [Грунтов 2002: 9].

Мы полагаем, что «неправильное» написание аффикса *-tur* после основ на гласную не случайно. Логично предположить, что это некий послелог, некоторое время сохранявший свою самостоятельность, но впоследствии в процессе грамматикализации прошедший определенные ступени фонетической адаптации. Так, озвончение изначально глухого гласного могло про-

изойти в результате озвончения в позиции между гласными и сонорным и гласным, а также по аналогии с действовавшим аффиксом датива-локатива *-da ~ -du*. Какое же значение мог иметь этот послелог и связаны ли он с существующими послелогами? В современных монгольских языках есть и послелог *тула* со значением ‘для, ради’. Он является широко употребительным и обычно оформляет придаточные цели в сложных синтаксических конструкциях. Однако его можно употребить и с именами. Одной из его особенностей является управление родительным падежом. Например: бур. *хилэ-эмэнэй тула* ‘ради хлеба’ и т. п. Этот послелог вполне может рассматриваться как одна из форм, имеющих связь с неким древним послелогами **tur*. Он мог в некоторых диалектах, потомками которых могут являться носители современных монгольских языков, иметь форму **tu*, либо он утратил конечный согласный **-r* (примерно такое же чередование наличия конечного форматива *-r* и его отсутствия можно наблюдать в инессивном послелоге *дотор ~ досоо < dotur-a ~ dotuṛa* (**dotu’a?*). Г. Рамстедт отметил, что *-r* в составе форманта *-тур* «представляется совершенно загадочным» [Рамстедт 1957: 43]. Г. Д. Санжеев считал, что конечный согласный *-r* выпал из более древнего показателя *-дур*, которое, по его мнению, мог быть цельным или составным [Санжеев 1953: 166]. По мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, аффикс *-тур*, скорее всего, является составным и может восходить к наречию *дор* ‘вниз, вниз’ [Цыдендамбаев 1979: 53–54]. Эта гипотеза звучит вполне убедительно, однако сам вопрос требует дальнейшего изучения источников с точки зрения семантики и функционирования соответствующих алломорфов и их дистрибуции, в особенности тех, которые признаются «неверными» с точки зрения современного узуса монгольской письменности и его орфографии, нормированной в XX столетии. Дело осложняется еще и неразработанностью проблем палеографии уйгуро-монгольского письма, что не позволяет дать однозначную фонетическую трактовку форманта. Если все-таки предположить, что начальный согласный в этом форманте изначально был глухим переднеязычным взрывным, то возможно отождествить его с послелогами *тула* ‘за, ради’, претерпевшим расширение семантики от бенефактива до датива, а затем и локатива. Фонетически данный показатель по закону

в соответствии с правилами сингармонизма. Например: *ард* ‘народ’ — *ардад, нөхөд* ‘товарищи’ — *нөхөдөд* ‘товарищам’, *тус* ‘помощь’ — *тусад, улс* ‘страна, государство’ — *улсад* и т. д. Многосложные основы на *в* (< **b*) и *с* присоединяют аффикс дательного-местного падежа по общим с бурятским и ойратским языками правилам. Например: *төвд* от *төв* ‘центр’, но *төлөвт* от *төлөв* ‘форма’.

аналогии сблизился существовавшим дативом на **-da* ~ **-de*, постепенно выработав алломорф со звонким согласным в начале. В. Л. Котвич также полагал, что аффикс *-dur*, наряду с *-du* и *-a*, прежде всего являлся дативом, тогда как локативом служил аффикс *-da* [Котвич 1962: 190].

Сам факт возникновения двух рядов форм с начальным глухим и звонким является достаточно интересным с точки зрения исторической фонетики, морфологии и морфофонологии монгольских языков. В контексте сравнения дагурского и бурятского языков обращает на себя внимание тот факт, что в дагурском языке форматив дательного-местного падежа имеет только звонкий начальный согласный, тогда как в бурятском сохраняется такая же система, как в письменно-монгольском и ойратских диалектах, где после определенных условий начальный согласный становится глухим. Как справедливо полагал Н. Н. Поппе [1987: 196], формант дательного-местного падежа с глухим начальным согласным возник по соседству с глухими конечными согласными основы: фонетически [p], [k], [r], [s], [t], орфографически *б, г, р, с, д*. В дагурском ввиду его полногласия в аудировании нет согласных, поэтому глухой начальный гласный в аффиксе дательного-местного падежа морфонологически не является возможным. Тем не менее в отдельных случаях, таких как даг. *гэртэ* 'в доме' и т. п.⁶, вариант с глухим согласным сохраняется, что, видимо, может говорить в пользу того, что дагурский первоначально действовал в рамках морфонологических правил общемонгольского характера, которые отражены в языке монгольской письменности, а также в современных монгольских литературных языках.

Винительный падеж. Существует мнение, что в дагурском языке формы родительного падежа совпадают с формами винительного. Однако это не совсем так. Наряду с аффиксами, совпадающими с аффиксами родительного падежа, есть аффикс *-ju*.⁷ По мнению Энхэбату, наличие подобного аффикса есть свидетельство тенденции к дифференциации генитива и аккузатива

[Engkebatu 1985: 508–509]. В литературном бурятском языке винительный падеж образуется от неполной основы путем присоединения 1) аффикса *-ye* (к основам на краткий гласный, кроме *-u*, или согласный); 2) *-uie* (к основам на краткий *-u*); 3) *-e* (к основам на долгую гласную или дифтонг). В разговорном языке фактически имеются две разновидности аккузатива: *-i:ji* ~ *-i:ji:* ~ *-i:* (после согласных и кратких гласных) и *-ji* ~ *-ji:* (после долгих гласных и дифтонгов). Например: хара 'черный' — харые *«хагi:ji:»* ~ *«хагi:ji»* ~ *«хагi:»*, элхэн 'песок' — элхые *«зл'hi:ji:»* ~ *«зл'hi:ji»* ~ *«зл'hi:»*.

Как было отмечено выше, дагурская форма винительного падежа на *-ju* находит параллель в письменно-монгольском, где есть композитная форма аккузатива с безличным притяжением *-уиуан* ~ *-yügen*. Данная форма существует в халхаском в качестве заимствования из старописьменного языка, которое служит для придания «налета старины». Например: *Сод их билэгт түмэн юүгээн бишрэн магтмуу би!* (Б. Ринчен, Монгол хэл). Непосредственный когнат данной формы, возникший в результате ее исторического развития, есть в бурятском. Это так же композитная форма аккузатива с безличным притяжением — *-яа*³ < **-уиуан/-yügen* с образованием долгого гласного по второй гласной двоеслога. Примеры: письм.-монг. *aq=a-yuüan*, бур. *ахаяа*, халх.-разг. *ахыгаа* (< *ага-yi-ban*) и халх.-книж. *ах юугаан* 'своего старшего брата'; письм.-монг. *kele-yügen*, бур. *хэлээ*, халх.-разг. *хэлийгээ* (< *kele-yi-ben*) и халх.-книж. *хэл юүгээн* 'свой язык'; письм.-монг. *поту-уиуан*, бур. *номоёо*, халх.-разг. *нумыгаа* (< *поти-yi-ban*) и халх.-книж. *нум юугаан* 'свой лук'. В связи с наличием формы аккузатива с огубленным узким гласным встает вопрос о первоначальном качестве гласного в аккузативе. Чередование гласных *i-u* в аккузативе, на наш взгляд, является следствием протетического характера данного гласного, аналогичного чередованию этих же гласных в формантах родительного падежа.

Исходный падеж. Исходный падеж в дагурском языке представлен двумя рядами форм, которые отличаются конечной согласной: 1) *-aar*, *-eer*, *-oor* — присоединяется в соответствии с законом сингармонизма к словам, оканчивающимся на согласные (кроме *j*, *q*, *x*), а также краткие гласные: *ag + aar* — *агаар* 'от старшего брата', *lek + eer* —

⁶ Приведено только два таких слова: *гэртэ* 'в доме' и *вэртэ* 'у себя' [Namcarai, Qaserdeni 1983: 112].

⁷ Здесь уместно вспомнить письм.-монг. композитную форму аккузатива с безличным притяжением *уиуан* ~ *yügen*.

lekeer 'от жернов', *topoor + oor* — *topooroor* 'от топора', *danga + ar* — *dangaar* 'табаком', *nowu + or* — *nowuor* 'от собаки' 2) *-ier*, к словам, оканчивающимся на согласные *j*, *q*, *x*, а также гласный *-i*: *onq + ier* — *onqier* 'ножом', *orj + ier* — *orjier* 'соской', *gali + er* — *galier* 'огнем', *mori + er* — *morier* 'лошадью'; 3) *-yaar*, *-yeer* — согласно закону сингармонизма к словам, оканчивающимся на долгую гласную или дифтонг: *deu + yeer* — *deuyeer* 'от (или у) младшего брата (сестры)', *kasoo + yaar* — *kasooyaar* 'железом'.

Хайларские дагуры употребляют только форму с конечной *-s*: *-aas*, *-yaas*. Дагуры, проживающие по реке Нонни используют обе формы, но чаще с конечной *-r*: *-aar*, *-yaar* [Namcarai 1983: 117]. Такой же аффикс исходного падежа с конечным *-p* отмечен Б. Х. Тодаевой в языке Их-мянганов Хэйлунцзяна. Однако он назван ею орудным падежом [Тодаева 1988: 138]. Подобную же интерпретацию дает Чжун Сучунь в одной из своих ранних работ (цит. по: [Engkebatu 1985: 509]). Энхэбату подсчитал частотность употребления двух разновидностей аффикса исходного падежа по четырем текстам. Из 18 употреблений исходного падежа в 13 случаях употреблен аффикс, оканчивающийся на *-p*. Таким образом, он приходит к выводу, что аккумулятив на *-p* является основной формой [Engkebatu 1985: 510].

Как мы видим, в дагурском языке из-за действия ротацизма аффикс исходного падежа фонетически полностью совпал с аффиксом орудного падежа. Сходство усиливает тот факт, что дагурский не знает различных основ (полных и усеченных) при образовании падежных форм. Если в бурятском или халха-монгольском исходный и орудный падежи образуются от различных основ (исходный от полной и орудный от усеченной), то в дагурском оба падежа образуются от единой основы, совпадающей с так называемой усеченной основой других монгольских языков. В целом дагурские формы составляют единую изоглоссу с собственно монгольскими и ойратскими говорами. Хамниганский, в котором аффикс исходного падежа состоит из двух кратких гласных и интервокального *s*, являет собой переходную ступень к бурятским говорам. Фактически это некое прабурятское состояние: **-VsV*. Западно-бурятские говоры демонстрируют нам прямое развитие этого аффикса в виде *-VhV*, тогда как в хори-бурятском и переходных диалектах *-(V)hVV*,

который, как считается, восходит к **-VVsV* (в результате метатезы гласных).

Совместный падеж. В дагурском языке аффикс совместного падежа *-tii* присоединяется к основе слова: *akaa + tii* — *akaatii* 'с (старшим) братом', *ewee + tii* — *eweezii* 'с мамой'. Данный аффикс имеет сходство с комитативом в цонгольском говоре бурятского языка, в котором он имеет форму *-ты* [*tī*:] *мори* — *мориты* 'с лошадью'. В литературном бурятском комитатив оформляется формой на *-тай*³: *морин* 'конь' — *моринтой*, *Доржо* 'Доржо (имя)' — *Доржотой*, *басаган* 'девочка; дочка' — *басагантай*. В языке хори-бурят комитатив под воздействием дифтонга приобретает вид *-теэ* после любой основы [Руднев 1913: 58]. Например: хор. *морьтеэ* — комитатив от *морин* 'конь', *урьтеэ* — комитатив от *ури* 'ребенок' и т. п.

Следует отметить, что в монгольских языках имеется два омонимичных аффикса, которые, несмотря на общее происхождение, все же следует различать, поскольку их значения и функции имеют довольно большую разницу. Собственно комитатив употребляется при глагольном сказуемом и имеет значение совместности выполнения действия. В этом случае в бурятском также имеет место важный формальный признак, а именно сохранение конечного неустойчивого *-н*, как было наглядно показано вышеприведенными примерами. Омонимичный аффикс *-тай*³ является скорее словообразовательным аффиксом, нежели словоизменительным. Так, он образует относительные прилагательные со значением обладания предметом, выраженным в основе. При этом конечный неустойчивый *-н* основы выпадает. Например: бур. *морин* — *моритой* 'имеющий коня, конный', *гартай* 'имеющий руки', *гэрэлтэй* 'светлый'. Будучи употребленным в качестве сказуемого такое прилагательное имеет значение русской конструкции «у (меня, тебя, него) есть предмет, выраженный основой» или английской «I have smth.». Кроме того, его можно употребить в функции обстоятельства и прямого дополнения. Например: *халхитайда газза бү гара!* 'не выходи на улицу при ветре (досл. когда ветренный)', *баяртайдань хэлыи* 'скажи тому, кто радостный' или 'скажи в тот момент (или пока), когда (он будет) радостным', *үгэтэйень мэдээ* 'узнал, что (он) бедный', *хахалтайень харааб* 'я видел того, кто с бородой', *мүнөөдэр бороотойе*

мэдээд, дулаагаар хубсалааб 'я оделся теплее, узнав о том, что сегодня будет дождь (дождливый)'. Таким образом, комитатив может выступать в предложении только в роли косвенного дополнения, тогда как прилагательные образованные при помощи омонимичного аффикса, могут являться любым членом предложения.

Общемонгольский комитатив *-*luγa*, который связан с тюркским аффиксом -*liγ*, отсутствует и в дагурском, и в бурятском языках, но сохранился в ойратских и восточно-монгольских говорах [Грамматика калмыцкого языка 1983; Тодаева 1985]. Интересен тот факт, что в дагурском практически неизвестны слова, образованные при помощи аффикса *-*liγ*, тогда как в бурятских и монгольских диалектах он довольно употребителен. Отдельные осколки комитатива на *-*luγa* можно найти в бурятском языке. Например, сложная форма комитатива и инструменталиса сохраняется в бурятском языке в слове *амаралталаар* 'в выходные' от слова *амаралта* 'выходные', что, по сути, идентично временному комитативу в калмыцком языке: *ирх сарла йовнав* 'я уезжаю в следующем месяце'.

Орудный падеж. Орудный падеж в дагурском языке выражается следующими аффиксами: 1) -*aar*, -*eer*, -*oor* — присоединяется в соответствии с законом сингармонизма к словам, оканчивающимся на согласные (кроме *j*, *q*, *x*), а также краткие гласные: *sarp* + *aar* — *sarpaar* 'палочками для еды', *lek* + *eer* — *lekeer* 'жерновками', *topoor* + *oor* — *topooroor* 'топором', *danga* + *ar* — *dangaar* 'табаком', *nowu* + *or* — *nowuor* 'собакой'; 2) -*ier*, к словам, оканчивающимся на согласные *j*, *q*, *x*, а также гласный -*i*: *onq* + *ier* — *onqier* 'ножом', *orj* + *ier* — *orjier* 'сохой', *gali* + *er* — *galier* 'огнем', *mori* + *er* — *morier* 'лошадью'; 3) -*yaar*, -*yeer* — согласно закону сингармонизма к словам, оканчивающимся на долгую гласную или дифтонг: *qoloo* + *yaar* — *qolooyaar* 'камнем', *kasoo* + *yaar* — *kasooayaar* 'железом'.

В бурятском языке орудный падеж образуется от усеченной основы и оформляется следующим образом: 1) -*aar*⁴ после основ на согласный и краткий гласный кроме *u*. Например: *гар* 'рука' — *гараар*, *хүл* 'нога' — *хүлөөр*, *саһан* 'снег' — *саһаар*, *хэһэн* 'прич. прош. вр. от хэхэ' — *хэхээр* (*хүнише хэхээрнь сэгнэдэг* 'человека оценивают по тому, что он сделал (досл.: по сделанному)'), *машина* — *машинаар*, *лама*

'буддийский священник' — *ламаар* и т. д.; Этот же аффикс с соединительным согласным *г* употребляется после долгих гласных и дифтонгов: *малгай* 'шапка' — *малгайгаар*, *нохой* 'собака' — *нохойгоор*, *Астана* — *Астанагаар*, *гүбээ* 'холм' — *гүбээгээр*. В западнобурятских говорах вместо соединительного *г* используется *й*. Например: *нохой* 'собака' — *нохойёор*, *малагай* 'шапка' — *малагайяар*; 2) -*яар*³ после основ на -*и* или мягкий согласный. Например: бур. *морин* 'конь, лошадь' — *морёор*, *аргали* 'архар' — *аргалияар*, *түдүүл* 'петелька для застёжки' — *түдүүлээр*, *зээли* 'займ' — *зээлээр*.

Кроме собственно инструментального значения, в дагурском и бурятском языках данный падеж может выражать пролативное или транзитивное значение. Например: даг. *тэргүлээр хаджирсан* 'вернулся по дороге', бур. *ойгоор ябаа* 'шли по лесу'.

В бурятском языке аффикс орудного падежа может образовывать комитатив от полной основы. Например: бур. *нүхэдөөрөө кинодо орооб* 'я ходил в кино с друзьями', *басаганаараа* 'со своей дочерью'.

Направительный падеж. Направительный падеж один из формирующихся падежей в монгольских языках. В современном монгольском языке направительный падеж возник на основе послелогов *уруу* < **uriγu* 'вдоль вниз' и *өөд* < **ögede* 'вдоль вверх'. Последний корень можно видеть в слове письм.-монг. *ögsekü* 'перемещаться вверх вдоль чего-либо', бур. *үгсэхэ*, х.-монг. *өгсөх* 'id.'. Что касается первого послелога, то можно было бы соотнести его с глаголом **oruqu* 'входить', т. е. 'двигаться внутрь', который мог развиться следующим образом: **oruqu* > **oruu* > *urui* > х.-монг. -*пуу*² ~ -*луу*², *urui* > ойр. *uur*, калм. -*ур*². Ойратский формант директива показывает метатезу, подобную метатезе в аффиксе исходного падежа в исходном падеже в бурятского языка. В халха-монгольском развился полноценный аффикс направительного падежа, который согласуется с корнем в соответствии с правилами сингармонизма, а также меняет начальный согласный: если в слове содержится звук -*р* или -*л*, то начальный согласный в аффиксе меняется на -*л*. Это правило еще не устоялось и действует довольно произвольно. Например: *надруу* 'на меня, в сторону меня', *гэрлүү* 'домой, в сторону дома', *үүдрүү* 'в сторону двери, к двери', *бугаруу* 'на оленя, в сторону оленя' и т. п.

От послелога *өөд* в некоторых монгольских диалектах возникла форма направительного падежа *-аад*⁴. Например: *гэрээд* 'домой, в сторону дома', первоначально. Данный формант может присоединяться не ко всем словам.

Направительной семантикой обладают еще ряд послелогов, такие как *зүг*, *тал* 'в сторону', которые происходят от соответствующих именных основ в процессе их грамматикализации: *зүг* 'сторона света, сторона', *тал* 'сторона'. От послелога *зүг* возник аффикс *-джүү* в хорчинском говоре (джасагтуский подговор) [Тодаева 1985: 61]. Направительный послелог *тал* активно используется в калмыцком языке: калм. *гер тал* 'домой, в сторону дома' и т. п. В дагурском языке в качестве форманта с направительным значением используется послелог *джурдээ* 'в сторону' или *джур* 'id.' < **jügtegen*, *jüg* 'сторона (света), направление'. Например: *гэриш джур* 'домой; в сторону дома'.

В бурятском языке также можно говорить о возникновении направительного падежа, так как послелог *уруу* фонетически сращивается с предыдущим словом, теряя начальный краткий гласный и подчиняясь сингармонически гласной основы. Однако в некоторых случаях послелог *уруу* может выступать и в промежуточной форме *руу*, не меняя гласную в соответствии с правилами сингармонизма, но без начального краткого гласного. Орфографией закреплен только послелог *руу*, сингармонически подчиненные морфофонологические формы падежного форманта орфографически не отображаются. Например: бур. *гэр руу*, *гэррүү* 'домой, в сторону дома', *хүн руу*, *хүнрүү* 'человеку, в сторону человека'. Однако в бурятском языке действует еще один фонетический критерий, определяющий характер грамматикализованной формы. Все падежные окончания в бурятском языке принимают на себя конечное музыкальное ударение. В случае с директивом ударение остается на последнем слоге основы. Например: [гэррүү], [хүнрүү], [машиин'наруу]⁸ 'к машине, на машину, в сторону машины' и т. п. Логика развития падежных форм в монгольских языках позволяет прогнозировать смещение ударения на конец слова по мере окончательной грамматикализации

форманта. Логика развития формантов направительного падежа соответствует типологическим моделям развития грамматических, в том числе падежных, формативов из полнозначных слов в процессе их грамматикализации и потери самостоятельного лексического значения.

Интересное употребление форманта *руу* можно наблюдать в бурятском языке. Например, словосочетании бур. *хады руу бууха* 'спускаться под гору'. Здесь *руу* скорее всего необходимо рассматривать как наречие. Аккузатив у существительного, скорее всего, обусловлен тем, что в данной конструкции предполагается некий управляющий аккузативом глагол. В данном конкретном случае им мог бы быть глагол *уруудаха* 'двигаться вниз вдоль чего-либо'. Семантика подобных конструкций и логика их образования должна стать предметом отдельного исследования.

В ограниченных рамках данной публикации мы не можем рассмотреть все падежи, которые выделялись исследователями в дагурском языке. Из тех падежей, которые названы Энхэбату неосновными, мы рассмотрим лишь предельный падеж, поскольку он последовательно рассматривался в качестве самостоятельного падежа большинством исследователей дагурского языка и некоторыми исследователями бурятского языка.

Предельный падеж. Предельный падеж, который также известен под названием, падеж меры и степени, падеж меры, может быть образован не от любых основ, ввиду чего Г. Д. Санжеев назвал его в недостаточным. Это своеобразная форма квантитативного экватива, которая восходит к общемонгольскому форманту **ča* ~ **sa*. Этот формант является частью таких слов, как письм.-монг. *sača* 'наравне, как только', *sačayu* 'равный'. С его участием образованы такие деепричастные формы как письм.-монг. *-тауča*, х.-монг. *-магц*, бур. *-мсаар* (*-*n* + *ča+bar*), калм. *-н цацу*. Спорным является вопрос о характере долгого гласного в форманте. Так, Г. Рамстедт считал его долгим гласным вторичного образования, т. е. возникшим из **aγa*. Такого же мнения придерживался Ц. Б. Цыдендамбаев. Что касается существования двух корней с чередующимся начальным согласным *s* ~ *č*, то вполне возможно, что это отражение некоего древнего состояния, диалектных различий, которое прослеживается также в

⁸ Тройной гласной обозначен сверхдолгий гласный звук по терминологии Г. Д. Санжеева [1978: 88].

аффиксе исходного падежа *-aša ~ asa*, отыменном номинальном словообразовательном аффиксе *-sun ~ čī*⁹.

Даг. *-qaar, -qeer* присоединяются, согласно закону сингармонизма к основе слова: *soo + qaar — sooqaar* 'по подмышки', *sak + qaar — sakqaar* 'по лодыжки'.

В бурятском языке подобные формы образуются при помощи аффикса *-caa*⁴. Например: *үбдэгсөө* 'по колено, до колен', *шагайсаа* 'до лодыжек, по лодыжки', *хоолой-соо* 'по горло, до горла' и т. п.

Состав падежных форм дагурского и бурятского языков не исчерпывается рассмотренными падежами. Внимательное рассмотрение вопроса в контексте общетипологических моделей генезиса падежных форм, а также выделение критериев, по которым тот или иной формант может быть интерпретирован как падежный, поможет выявить ранее неучтенные падежи и объяснить пути происхождения падежных форм в монгольских языках. Анализ падежных форм дагурского и бурятского языков показывает отсутствие совпадений формальных оболочек падежей, которые могли бы охватывать только дагурский и бурятский языки. Все падежные форманты в обоих рассматриваемых языках происходят из общего языка-источника или близких древних диалектов. Следы влияния различных монгольских диалектов на развитие дагурских падежных форм можно наблюдать в родительном и винительном падежах. Показатели дагурского генитива восходят к древним формантам с соединительным гласным **i*. Это же можно сказать в отношении бурятского, ойратского и монгольского языков. Соединительный гласный **i* в генетиве характерен для языка монгольской письменности. Такое же чередование узких лабиализованных и нелабиализованных мы находим в показателях аккумулятива монгольской письменности: *-yi ~ -yi(γan)*. Остатки этого чередования, как мы предполагаем, сохранились в дагурском языке.

⁹ В ТИМ упоминается Шинчи баян урианхай, слово *шинчи* Гаадамба считал связанным с культом лиственницы. Лиственница в монгольских языках называется бур. *шэнэнхэн*, х.-монг. *шинэс*, п.-монг. *sinesün*. В контексте соответствия даг. *кимчи*, бур. *хюмхан*, х.-монг. *хумс*, п.-монг. *kimusun* вполне можно соотнести и пару *шинчи ~ sinesün*, где появляется соответствие морфем *-či* и *-sün* и звуков *č ~ s*.

Дагурский и бурятский языки схожи в том, что не имеют рефлексов так называемого соединительного падежа на **-luγa*. По этому же признаку к ним можно добавить халха-монгольский. Однако в дагурском языке практически совершенно нет имен, образованных при помощи аффикса **-liγ*, формально и генетически связанного с комитативом на **-luγa*, тогда как в бурятском и халха-монгольском имена с аффиксом *-лиг* довольно употребительны. Ассоциатив на **-tai* формально совпал в дагурском и цонгольском говоре бурятского языка и выглядит как *-ты*. Это совпадение может быть как случайным, так и следствием дагурского субстрата в бурятском говоре.

Перечисленные факты позволяют нам сделать вывод о том, что состав падежных форм дагурского и бурятского языков восходит к общему источнику, но дагурские форманты сохранили архаичные элементы, которые не сохранились в бурятском языке.

Сокращения

бур. — бурятский; даг. — дагурский; калм. — калмыцкий; монг. — монгольский; ойр. — ойратский; письм.-монг. — письменно-монгольский; ТИМ — Тайная история монголов [Kuribayashi 2001]; х.-монг. — халха-монгольский; халх.-книж. — халхаская книжная форма; халх.-разг. — халхаская разговорная форма; хор. — хори-бурятский; хорч. — хорчинский; чах. — чахарский; шилин. — шилингольский; МА — Мукаддима ал-Адаб [Поппе 1938: 213]; TPhag — язык квадратной письменности по книге [Tumurtogoo, Csecegdari 2010]; TUig — докласический монгольский по книге [Tumurtogoo, Csecegdari 2006].

Литература

- Бадагаров Ж. Б. Дагурско-бурятские языковые связи // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Материалы междунар. науч. конф. Т. 3: Языки. Фольклор. Литература. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 11–15.
- Бадагаров Ж. Б. Грамматические категории имен существительных бурятского и дагурского языков // Мир Центральной Азии. Т. 4, Ч. 1: Языки. Фольклор. Литература. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. С. 11–14.
- Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во Вост. лит., 1962. 340 с.
- Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.

- Грунтов И. А. Реконструкция падежной системы праалтайского языка: автореф. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. М., 2002. 24 с.
- Котвич В. Л. Исследование по алтайским языкам. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 373 с.
- Поппе Н. Н. Дагурское наречие. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 178 с.
- Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 452 с.
- Рассадин В.И. К проблеме формирования монгольских языков в двух ареалах // Монгольские языки и диалекты северо-восточного ареала Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. С. 3–19.
- Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание: Морфология. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 254 с.
- Руднев А. Д. Хори-бурятский говор: (Опыт исслед., тексты, пер. и примеч.). Вып. 1. Опыт исследования. Петроград: Тип. В. О. Киришбаума, 1913. 137 с.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 237 с.
- Санжеев Г. Д. Об аллофонах долгих гласных фонем в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1978. № 1. С. 88–99.
- Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии. М.: Наука, 1985. 129 с.
- Тодаева Б. Х. Дагурский язык. М.: Наука, 1986. 189 с.
- Тодаева Б. Х. Некоторые данные о языке ихмянган // Проблемы монгольского языкознания. Сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. С. 134–139.
- Трофимова С. М. Грамматические категории именных основ в монгольских языках (семантико-функциональный аспект). Элиста: Изд-во КГУ, 2009. 282 с.
- Цинциус В. И. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Том I. А-Н. Л.: Изд-во «Наука» (Ленинградское отделение), 1975. 672 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М.: Наука, 1979. 148 с.
- Чимитдоржиева Г. Н. Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 212 с.
- Binnick R. I. On the Classification of the Mongolian Languages // Central Asiatic Journal. 1987. T. 31. № 3–4. С. 178–195.
- Engkebatu M. Dahan xiao cidian [=Краткий дагурско-китайский словарь]. Huhhot: Neimenggu renmin chubanshe, 1983. 253 с.
- Engkebatu nar. Dayur kelen-ü üges = Dawoeryu cihui. Kökeqota: Öbür Mongγul-un arad-un keblel-ün qoriy=a, 1984. 2+337 с.
- Engkebatu nar. Dayur kelen-ü üge keelge-yin matêriyal = Dawoeryu huayu cailiao. Kökeqota: Öbür Mongγul-un arad-un keblel-ün qoriy=a, 1985. 2+414 с.
- Engkebatu M. Dayur kelen-ü teyin ilγal-un tuqai // Öbür mongγul-un yeke surγayuli-yin erdem šinjilegen-ü sedkül. 1985. № 7. С. 503–517.
- Kara G. Daurica in cyrillic script / DEBTER DEB-TER DEBTELIN. Materials for Central Asiatic and Altaic Studies. 10–11. Budapest: MTA Altajisztikai Kutatócsoport, 1995. 18 + 42 + 96 + 67 + III, 47 + 6 + 64 + [4] + 159 с.
- Kuribayashi H. (Edited with Choijinjab) Word- and Suffix-Index to The Secret History of the Mongols based on the Romanized Transcription of L. Ligeti, Center for Northeast Asian Studies (CNEAS Monograph Series No. 4). Sendai: Tōhoku Daigaku Tōhoku Ajia kenkyū sentā, 2001. VI + 954 с.
- Namcarai, Qaserdeni. Dayur kele mongγul kelen-ü qaričayulul. Kökeqota: Öbür Mongγul-un arad-un keblel-ün qoriy=a, 1983. 8 + 655 с.
- Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Second Edition. Helsinki, 1987. 300 с.
- Tumurtogoo D., Cecegdari G. Mongolian Documents In Uighur-Mongolian Script (XIII–XVI Centuries). Introduction, Transcription and Bibliography / Language and Linguistics Monograph Series A-11. Taipei, Taiwan: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2006. XIV + 722 с.
- Tumurtogoo D., Cecegdari G. Mongolian Monuments in 'Phags-pa Script. Introduction, Transliteration, Transcription and Bibliography. Taipei, Taiwan: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2010. XVI + 453 с.
- Zhong S. Dawo'eryu jianzhi [Краткое описание дагурского языка]. [Beijing]: Minzu chubanshe, 1982. 110 с.
- Zhong S. Dawo'eryu gaikuang [=Краткий обзор дагурского языка] // Zhingguo yuwen [=Язык и литература КНР]. 1965. № 4. С. 20–42.